

© 2014

В.А. Тахохов, doctor of pedagogical sciences, professor, head of the department of inter-faculty of pedagogy and psychology, faculty of psychology and sociology
North-Ossetian state university. K.L. Khetagurova, Vladikavkaz (Russia)

Annotation: The main neoplasm in adolescence is the spirit of independence, which makes the relationship a teenager in the family and school tense: he wants to be free from external control, but at the same time, it is planned to increase self-control, self-regulation. Specified in the aggregate increases the vulnerability of the adolescent and his susceptibility to harmful influences.

Keywords: education, troubled teens, mental and physiological changes, self-control, personality development, complex age.

УДК 37.018.322.2

ВОПРОСЫ СЕМЕЙНОГО ВОСПИТАНИЯ И УСЫНОВЛЕНИЯ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ВИДНЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ОСЕТИНСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

© 2014

Ф.К. Тменов, директор детского дома «Хуры Тын», аспирант кафедры педагогики и психологии
С.Р. Чеджемов, доктор педагогических наук, профессор кафедры педагогики и психологии
Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, Владикавказ (Россия)

Аннотация: В статье анализируются вопросы усыновления и семейного воспитания в произведениях известных представителей осетинской интеллигенции. Эти проблемы имеют глубокие исторические корни, берущие начало в скифской и аланской цивилизациях, некогда могущественных и процветающих.

Ключевые слова: семейное воспитание, усыновление, представители осетинской интеллигенции, произведения осетинских классиков.

Народы Северного Кавказа находились на разных уровнях исторической эволюции, но в их общественном быте, традициях и обычаях есть много общего, хотя, безусловно, у каждого народа есть и свои различия. Педагогическая культура народных масс, выработанная многовековым опытом человечества, выражающаяся в господствующих в народе воззрениях на цели и задачи воспитания, в совокупности народных средств, умений и навыков воспитания и обучения является предметом исследования народной педагогики, где нет строго сформулированных законов воспитания, систематизированных знаний, точных научных терминов и определений. Это – клад коллективного творчества разных людей многих поколений, народная мудрость, которая накапливается веками.

По обеим сторонам Главного Кавказского хребта издавна жил народ, который сегодня именуется осетинами. В раннем бронзовом веке это были племена куро-аракской культуры, а в эпоху поздней бронзы – кобанцы. Внутренним был этот хребет был и для территории средневековой Алании и Осетии нового времени [1, с. 118]. Глобализация и универсализация, цивилизационный переход к новой форме развития, при которой количественный рост сменяется эрой качественного совершенствования человечества, с особой остротой ставят вопрос о необходимости сохранения культурной жизненной среды народов, их национальной самобытности.

Педагогика осетинского народа имеет глубокие исторические корни, берущие начало в скифской и аланской цивилизациях, некогда могущественных и процветающих. Со временем в силу драматических исторических событий часть первобытных черт культуры древних осетин была утрачена и дошла до наших дней в виде обычаев, традиций и устного творчества, передаваемого из поколения в поколение и бережно хранимые от постороннего вторжения. Современность диктует обществу новые правила жизненного уклада и новые подходы к решению возникающих задач.

Сегодня, по справедливому замечанию известного осетинского историка Р.С. Бзарова, «...изменилось само качество осетинской культуры, кардинальную перестройку претерпела ее внутренняя структура. На смену культуре традиционного общества пришла культура нации – новая стадия культурной общности этноса. Ныне традиционная культура, то есть народная, фольклорно-

этнографическая, стала частью культуры этноса, превратилась в базовую, социально детерминированную страту национальной культуры, включающей также письменные, профессиональные, ученые компоненты», которые в детских домах Республики Северная Осетия – Алания находят свое творческое применение» [1, с. 84].

По всей видимости, с далеких времен в осетинском обществе бытует социальная установка: «Æнæ ацъагъуæ еунаг адаймаг дæр на маелуй (Без достоинства ни один человек не умирает)», ставшая в народной педагогике идеей-символом, в том числе и для детей-сирот. Она призывает людей прожить жизнь с достоинством. Традиционный уклад жизни родового строя осетин, как составная часть народной педагогики, до настоящего времени сохранил обычаи искусственного родства путем усыновления детей-сирот. Обычай этот возник в связи с тем, что каждый мужчина – глава семьи стремился в своей жизни оставить после себя наследника и продолжателя семейного культа. А. Магомедов подробно описывает некоторые особенности самого процесса усыновления: «чтобы обеспечить благоприятную атмосферу в родственном объединении (в роде, фамилии) и сельской общине для усыновляемого, имитировали у жены усыновителя роды ребенка (это в том случае, если ребенок брался в грудном возрасте), который затем признавался «родным» [5, с. 147].

Усыновляли, чтобы не только помочь осиротевшему ребенку, но и зачастую смягчить судьбу семьи, не имеющей потомства – «байзæддаг», что считалось большим несчастьем. Видный исследователь этого вопроса, наш соотечественник А.Х. Магомедов в своей монографии «Общественный строй и быт осетин XVII – XIX вв.» так описывает основные черты этой традиции: «Преимущественно усыновлялись агнатные родственники, за отсутствием их – чужеродцы. Если усыновлялся родич, например, племянник, то не устраивалось особых церемоний». Усыновленный, а им мог быть не только сирота, но и мальчик из вполне благополучной семьи, переходил в усыновляющую семью, воспитывался как родной сын, а по смерти отца-усыновителя наследовал его имущество, становился во главе оставшегося хозяйства. На усыновленном лежали все те же обязанности, что и на родном сыне [5, с. 149].

Далее А.Х. Магомедов указывает на понимание природы этого явления, подмеченного другим знаменитым

исследователем М.М. Ковалевским: «Пока у известно-го лица имеются родственники в мужской линии, он не вправе усыновлять кого-либо; сделать это значило бы обнаружить решительное стремление обойти родственников при наследовании, чего последние отнюдь не допустят [3, с. 75].

Если этот факт согласовать с тезисом, выдвинутым французским исследователем истории индоевропейских народов Жоржем Дюмезилем в конце XIX века, что с древнейших времен «вплоть до присоединения к России социальный строй осетин не особенно отличался от того строя, который можно разглядеть у скифов Лукиана и даже Геродота» то, по нашему мнению, вполне допустимо сделать вывод, что родовой строй осетин никогда не допускал в своей среде сиротства как явления. Дети, потерявшие родителей, всегда усыновлялись (удочерялись) родственниками [9].

У некоторых кавказских народов для большей достоверности этот обычай сопровождался «пропуском усыновляемого под рубашкой усыновляющей женщиной». Мы же усматриваем в этом обычае пример-идеал – элемент народной педагогики, направленный на защиту ребенка-сироты от колкостей и нападок недоброжелателей по достижении им сознательного возраста.

Примечательно, что односельчане, как правило, знали о том, что ребенок, появившийся в семье «байзагдаг» приемный, но зачастую охотно принимали участие в разыгрываемом спектакле, что говорит о сочувственном отношении общины к подобной форме усыновления. В более древние времена, по свидетельству А.Х. Магомедова, у осетин бытовал не менее интересный обычай: «бездетный муж мог «добыть» ребенка путем «извлечения» его из собственной спины», после чего устраивался куывд (пир), на котором усыновляемому ребенку давалось имя, с которым он получал все права законного наследника семьи.

Во второй половине XIX века у осетин еще сохранялся обычай усыновления внука – сына дочери, если у отца кроме дочери не было сыновей. При этом муж дочери должен был поселиться в доме тестя, согласиться с тем, что его сын будет наследовать имя и имущество деда, что противоречило общественным нормам и понятиям народа: «На такой шаг жених мог идти, если он был безродным и совершенно бедным и не в состоянии был уплатить калым, т.е. когда он не мог другим путем составить семью» [5].

В сборнике осетинских адатов подобная форма жизнедеятельности осетинского общества – обычного права отражена следующей формулировкой: «Если одна из дочерей вышла замуж, и живя в доме покойного своего отца, приживала сына, то последний получал право на наследство всем имением» [4, с. 62]. На наш взгляд, эти предписания являются достойными примерами народной педагогики, помогающими ребенку, в том числе и сироте быстро и безболезненно проходить процесс адаптации в новой семье, общине.

Необходимо отметить еще одну форму усыновления, которая своеобразным способом охраняло общество от появления детей-сирот в результате кровной мести. Этнографический материал по осетинским обычаям свидетельствует: «Чтобы избежать мести, род убийцы из семьи убитого похищал мальчика, которого он усыновлял. В результате прекращалось преследование убийцы и его родичей, между двумя родами устанавливались родственные отношения», следовательно, останавливался процесс мести и, как следствие, появления новых детей-сирот [9].

В эпоху родового строя как форма установления искусственного родства возник институт аталычества, известный всем народам Северного Кавказа, который сыграл огромную роль в общественной и семейной жизни горцев. Он имел широкое распространение в XVI-первой половине XIX в. С.Р. Чеджемов поясняет, что термин «аталычество» обозначает существовавший вплоть до

начала XX века у грузин, абхазов, осетин, черкесов и кабардинцев древний обычай отдавать своего ребенка на вскармливание и воспитание в чужую семью, глава которой и является его воспитателем – «аталыком», приемную мать называли «аталычкой» [6].

Суть обычая аталычества заключается в том, что в условиях феодальной раздробленности и междоусобицы дворяне и крестьяне, желая иметь надежного покровителя, брали у представителей сильного княжеского рода детей на воспитание обычно со сроком до совершеннолетия и становились их аталыками-воспитателями, что означало установление между этими семьями родственных связей. Связь по аталычеству считалась у горцев священной, а все семейство становилось родным для воспитанника. Воспитанием девочек, пишет М.Ю. Хуриева, занималась жена аталыка, которая должна была научить их обычаям и традициям своего народа, девушек из знатных фамилий учили аристократическим манерам, умению следить за своей внешностью, искусству ношения красивой одежды и др. [8, с. 208-212].

Особое место в семейном воспитании принадлежит использованию афоризмов. Этот своеобразный этнопедагогический феномен, являющийся концентрированным выражением народной концепции воспитания, несущий в себе образовательные и воспитательные функции хорошо описан профессором З.Б. Цаллаговой [7, с. 94] Этнопедагогическая афористика осетин, как и всех других народов Северного Кавказа – важная составная часть традиционной культуры воспитания детей и молодежи, способствующая сохранению и ретрансляции педагогических ценностей этноса, в нашем случае – осетин.

Народные афоризмы, являясь самым доходчивым средством передачи этнопедагогической информации, излагают основополагающие гуманистические идеи этноса. Содержание педагогических афоризмов обуславливает их сентенциозность, поучительность, педагогическую направленность. Они, в свою очередь, формируют педагогические функции: гуманистическую, познавательную, эстетическую, информационную, регулятивную.

Одним из педагогических сочинений осетинских писателей является приведенный ниже отрывок из сборника рассказов одного из основателей осетинской художественной литературы И.Д. Канукова. Рассказ из его сборника «В осетинском ауле» написан автором 13 мая 1870 года в селе Брут, что находится в 40 верстах к северу от Владикавказа. События повествуют о встрече автора со стариком по имени Мосе, которому он сначала рассказал сказку братьев Гримм «Дедушка и внучек», а затем услышал от старика похожий рассказ, но уже из осетинского фольклора: Какая истинная правда! Есть и у нашего народа такая же чудесная история, – и он рассказал мне следующую сказку, в которой нельзя, в самом деле, не заметить поразительного сходства со сказкою Гримм «Старик и его сын» [2, с. 110].

Вот сюжет осетинской сказки. «У одного сына состарился отец и вместе с тем ослеп. Старик, да к тому же слепой, не мог больше работать и потому сидел всегда во время работ дома. Сыну надоело смотреть на то, как престарелый отец его сидит без дела и не помогает ему ни в чем, и он сказал однажды про себя: «Вот теперь отец мой состарился, и я не знаю, какую он мне пользу еще может принести. Я думаю – никакой. Так зачем же он будет даром есть мой хлеб? Дай-ка я сброшу его с высокой скалы, чтобы и о смерти его никто не узнал». Затем он зашил старика-отца в телячью шкуру, сплел корзину и, положив его в нее, понес на высокую скалу, чтобы сбросить его оттуда. На пути старик заговорил из корзины:

- Эй, мой сын! Ты устал, неся меня на своих плечах?
- Ничуть, – отвечал сын.
- Ну, хорошо, мой сын, мое солнышко, хорошо, что ты не устал. Но только прошу тебя, когда ты меня сбро-

сишь со скалы, то не бросай корзины, в которую ты меня посадил теперь, чтобы сбросить меня со скалы. Ты не бросай ее со мною.

– Зачем ты это говоришь? – спросил он.

– Как зачем? Затем, чтобы твоим сыновьям, когда они возмужают так же, как и ты, и ты сам постареешь так, как я, не пришлось плести новую корзину, в которой бы тебя, как и ты меня теперь несешь, принесли, чтобы сбросить тебя со скалы.

«Ах! Ведь отец прав», – подумал сын и понес старика-отца обратно и с тех пор стал относиться к нему с таким почтением, какого прежде никогда к нему не имел [2, с. 113].

В подобных рассказах и пословицах ребенок-сирота получал народный жизненный опыт для дальнейшего его использования в своей жизни. Самому же автору сборника «В осетинском ауле» – нашему земляку, принадлежат замечательные слова, которые и сегодня могли бы служить примером для подражания в области просветительской деятельности или любой другой, направленной на благо человека: «Почин – великое дело. Он-то и есть могущественный двигатель общественной жизни человека; частный почин одного человека может сделать целый переворот в жизни общества, если только почин ведется уму. Поэтому-то дельные инициаторы не дают обществу впадать в апатию, засыпать, постоянно побуждая их силой своей единичной энергии, силой своего ума к новому шагу вперед, раскрывая обществу глаза, пробуждая в нем уверенность в своих силах, которые иначе бы угасли, потухли среди мертвящей бездеятельности» [2].

Как актуальны эти строки и сегодня, когда вокруг нас мы долгое время старались не замечать сирот, инвалидов, престарелых и прочих людей, нуждающихся в нашей помощи. Произведения видных представителей осетинской интеллигенции отражали и отражают представления народа о нравственном воспитании. Мудрость народа безгранична и сегодня она воспринимается как целостный родник нашей нравственности. Обращение

к прогрессивным народным традициям, сохраняющим в концентрированном виде демократическую национальную культуру, может способствовать решению современных проблем воспитания, нейтрализации межнациональной нетерпимости, ведь всестороннее урегулирование и прекращение аспектов межэтнической напряженности является жизненно важной необходимостью существования любого полиэтнического сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX в.: Учебник для старших классов средней школы – Владикавказ: Ир, 2000. – 428 с.
2. Кануков И.Д. В осетинском ауле. Антология осетинской прозы. – Орджоникидзе. 1983. С.30-31.
3. Ковалевский М.М. Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном отношении. – М.: Издание Т-ва «Бр. А. и И.ГРАНАТ и К», 1886. – 168 с.
4. Леонтович Ф.И. Адамы кавказских горцев. Одесса, 1882. – 346 с.
5. Магомедов А.Х. Общественный строй и быт осетин XVII – XIX вв. – Орджоникидзе: Ир. 1974. – 527 с.
6. Тменов Ф.К., Чеджемов С.Р. Государственные гарантии и педагогическая политика социализации сирот: история и современность. Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2012. – № 6. – С. 34-44.
7. Цаллагова З.Б. Этнопедагогическая афористика народов Северного Кавказа: Монография. – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2011. – 364 с.
8. Хуриева М.Ю. Трансформация «материнского» и «отцовского» воспитания в современной северокавказской семье. / М.Ю. Хуриева // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология, 2014. – №1 (16) – С. 208 – 212.
9. Л.А. Проблема скифско-осетинских параллелей истории и перспективы. <http://ossethnos.ru/history/skif/26-problema-skifsko-osetinskix-parallelej-istoriya-i-perspektivy.html> Чибиров

FAMILY MATTERS FOSTER CARE AND ADOPTION IN THE WORKS OF THE MOST PROMINENT REPRESENTATIVES OF OSSETIAN INTELLIGENTSIA

© 2014

F.K. Tmenov, director of the orphanage «Ray of sunshine», graduate student of the department of pedagogy and psychology

S.R. Chedzhemov, doctor of pedagogical sciences, professor of the department of inter-faculty of pedagogy and psychology

North Ossetin State University named after K.L. Khetagurova, Vladikavkaz (Russia)

Annotation: This paper analyzes the issues of adoption and family education in the works of well-known representatives of the Ossetian intellectuals. These problems have deep historical roots, originating in the Scythian and Alan civilizations once powerful and prosperous.

Keywords: family education, adoption, representatives of Ossetian intelligentsia works Ossetian classics.